

По лунному лучу ссыпаясь пылью,
В твое полузакрытое окно,
Касаюсь щек пушистой ковылью
И проникаю горечью в вино.
Беспомощно ищу я тень улыбки,
В глазах твоих, холодных как мистраль;
Скользнуло что-то легкой серой рыбкой.
Ты плачешь, только мне тебя не жаль.

Закрыться на замок предельно просто,
В кругу из звезд и догоревших свеч.
Но чье угодно лопнет благородство,
В ответ на безразличия картечь.
Немного слов, за слогом не гоняясь,
Сказать в свою защиту мне позволь:
«Не знаешь ты, как трудно жить, скрываясь,
И тайну превращать в слепую боль».

Слепой душе не достается жалость,

Коль скоро та к границе приведет.

Где нежность превращается в усталость

И ненависть кривит победно рот.

Я снова в пустоту кидаю камень,

На дне колодца видя влажный блеск.

У края замираю временами,

Надеясь на ответа робкий всплеск...

(С) Канцлер Ги

* * *

На следующий день Рейнбоу ходила завтракать одна: Гайке и Олли доктор Салазар прописал утренние процедуры, а в отношении пегаски ограничился пригоршней таблеток и уколом от столбняка, который сделал прямо в палате.

От кого другого Дэш ни за что не потерпела бы такого обращения. Но доктор Филип-Жозеф Салазар пользовался в глазах бывшей Вендар безграничным доверием во всем, что касалось медицины.

В столовой оказалось самообслуживание на уровне шведского стола: подходи и бери что хочешь.

Набрав себе всяких салатиков, овощей и фруктов, пегаска в кои-то веки наелась досыта привычной для понячьего организма пищей.

Ради такого можно было даже наплевать на других пациентов, что шумели и толпились в столовой клиники. И хотя тех было всего ничего, человек шесть, для пони они все равно

казались толпой.

Да и сама клиника не поражала размерами. Да и как иначе в маленьком городе, где, очевидно, все знали друг друга? Да и болели тут, похоже, нечасто. Другие пациенты не выглядели столь потрепанными, как маленькая пони, но при этом на нее внимания обращали не больше, чем на других.

Дэш это более чем устраивало.

Возвращаясь в палату, Рейнбоу зашла к доктору Хаузеру, который снова коротал день в компании мензурок со спиртом. Войдя в темную ординаторскую, пони привлекла внимание человека покашливанием.

Когда же взгляд затуманенных спиртовыми парами глаз сфокусировался на стоящей в сумерках пегаске, та сказала:

- Док, я скоро уйду и хотела кое-что сказать на прощание.

- Да? - в голосе доктора Хаузера послышалась надежда.

- Просто хотела рассказать, кто я и что я. Не подумайте, что я жалуюсь... но просто надо, чтобы Вы знали. Так вот, моя жизнь была самым настоящим смердящим куском навоза...

Рейнбоу говорила долго и почти не прерывалась, лишь иногда стискивая зубы от застарелой душевной боли. На лице человека то же самое, но пони заставляла себя не думать об этом.

Наконец, она закончила свое повествование боем в заброшенных руинах и подвела краткий итог:

- ...и если Вы ищете прощения, то от меня его не получите. Меня не научили прощать. Но знайте, что таких как я, - тысячи, если не миллионы. Оставшихся там, в том мире, к созданию которого Вы приложили руку. Просите прощения у них.

С этими словами пони развернулась и вышла, снова подавив желание погромче хлопнуть дверью.

У своей палаты она столкнулась с Филиппом-Жозефом Салазаром, который как раз выходил с Гайкой, сидящей у него на ладони.

- О, вот и ты, - улыбнулся он, - а я уж думал искать тебя. Идем в смотровую.

- Зачем? - мрачно осведомилась пони, но доктор будто не заметил угрюмого тона:

- Посмотрим как ваши швы и сменим повязки. Заодно и поговорим, прежде, чем вы отправитесь дальше.

Пони переглянулась с Гайкой. В глазах у обеих светилась одинаковая надежда.

- А можно будет? - спросила Дэш, держась рядом с человеком.

Она-то была готова попросту сбежать из больницы, как только позволит здоровье всех членов своеобразного отряда.

Звук копыт немного глушила потертая бесчисленными ногами пациентов ковровая дорожка темно-зеленого цвета с неброским узором изломанных разноцветных полос.

- Как раз это я и хочу выяснить. Еще не хватало, чтобы вы свалились где-нибудь на обочине только из-за того, что не рассчитали силы или что швы разошлись.

В смотровой оказалось светло и чисто. На одном из столов лежал и, очевидно, ждал доктора Салазара фиолетовый дракончик, почему-то с гривой белого цвета, и что-то чиркал в блокноте зажатом в когтистой лапе карандашом.

Пока осмотру подвергался чешуйчатый пациент, Рейнбоу начала рассказ о своем визите к доктору Хаузеру.

- ...ну и я его послала, - закончила пегаска, в то время как человек осматривал шов на ее ноге.
- Выискался тоже...

- Это было очень грубо, Дэши, - ответил доктор Салазар. - У Герарда и без того кошки на душе скребут не переставая, а твои слова его вообще как ножом...

- Док, - уши Дэш опустились, но не из-за того, о чем можно было бы подумать, - ну хоть Вы-то скажите мне нормально, почему я не могу летать? Что я такого сделала?

- Доктор Хаузер был искренен, - пояснил пожилой человек, взъерошив радужную гриву отеческим жестом. - Вот, Тэурус тоже не может взлететь, хотя и у него все в порядке. В конце все вернется, поверь, но если сейчас, то цена будет высока.

Дэш хмуро посмотрела сперва на дракончика, на которого показал доктор, затем на него самого. Но тот снова погладил ее по гриве и добавил:

- Пойми, это не я придумал. И поделаться ничем не могу...

- Ну и ладно, - буркнула Рейнбоу, отведя взгляд и сжав зубы. - И почему всем так нравится отрезать от меня кусочки? Сперва свобода, потом любовь, теперь вот это...

Доктор Салазар остался невозмутим:

- Есть и такая теория, что мир Дорог помогает Идущим переосознать некоторые вещи. Например...

- Да поняла я, поняла, что это просто проверка, - сварливо перебила Дэш.

- Да, - кивнул человек.

- И Вы теперь почините мой антиграв? - наострила уши Рейнбоу, но доктор вздохнул и покачал головой:

- Нет.

- Но почему?!

- Потому что он не сломан. К тому же, это обесценило бы твою жертву. Кроме того, этот вопрос вообще не из области медицины, мне думается.

- То есть все переживания зря?

- Нет. Ты поняла, насколько ценна жизнь твоей спутницы. Ты начала понимать ценность дружбы, так что вы сюда пришли определенно не зря. Да и подлечиться вам всем нелишне.

Рейнбоу покосилась на Гайку и села на круп, скрестив передние ноги на груди. Мышка было решила, что пегаска сейчас начнет возмущаться или требовать, но та ничего такого не сказала.

Казалось, она сильно, и доктор успел завершить нужные манипуляции с повязками и таблетками относительно всей компании.

- Окей, док, - сказала Рейнбоу Дэш, когда настала пора вернуться в палату, - а что дальше?

- В каком смысле?

Пегаска пояснила:

- Вы сказали, что ждали меня. Мы встретились. Что дальше?

Доктор, лечивший Рейнбоу Дэш Вендар все ее детство и часть юности, ответил не сразу:

- Знаешь, Дэши, все эти годы я ждал тебя, чтобы попросить прощения... И теперь, получив его, я понимаю, что все еще нужен здесь. Поэтому я должен остаться. Просто чтобы помогать и дальше тем, кто в этом нуждается.

- Мне не за что Вас прощать, - сказала пегаска, вздохнув, затем подчеркнула. - Вас - не за что. Алекс - это тот человек, который добьется своего в любом случае. И вообще просто чудо, что Вы нашли в себе силы перечить Вендару, чего никто и никогда не делал, тем более ради меня.

- Почему никто не делал? - поинтересовалась Мышка.

- Кто пытался - потом горько жалел, - пояснила Рейнбоу Дэш, ковырнув пол копытом. - Взять ту же Даймонд Тиару Ингред. Помнится, Алекс на ней живого места не оставил как-то...

Доктор Салазар сказал:

- Спасибо, Дэши. Мне очень важно было услышать это от тебя.

Лазурные уши снова встали торчком:

- А может, все-таки... - начала она, но доктор с улыбкой погладил радужные пряди и покачал головой:

- Даже если предположить, что здесь по волшебству появится автодок и нейропрограмматор, а их тут нет, то твои крылья наверняка здоровы. Я уже сказал, что дело тут, скорее всего, не в этом.

На мордочке Дэш появилась усмешка:

- Так ничего, стало быть, не изменилось, доктор Салазар? Видимо, не так уж важно было, пришла я или нет. Я вообще могла пойти другой дорогой и окочуриться где-нибудь в степи.

Человек не обиделся. Морщинистая рука вновь погладила короткую радужную гриву, а Гайка в очередной раз подивилась, что Дэш Вендар позволяет кому-то трогать себя.

- Кое-что изменилось, Дэши, - сказал он, и пегаска обратила внимание, что на старческом

лице даже как будто поубавилось морщин. – Теперь я получил твое прощение, и в моей душе наступил, наконец, мир. И ты вряд ли промахнулась бы мимо клиники. Даже если ты сознательно не искала встречи со мной... тебя могло привлечь мое желание встречи. И заодно – доктора Хаузера, пусть и косвенно.

– Ну, я рада, что смогла помочь с этим, – буркнула Рейнбоу. – Ничего особенного...

Она изо всех сил старалась не показать, как ее тронули и смутили слова старика, но получалось из копыт вон плохо.

– Найди свои ответы, – сказал доктор Салазар, – как водится в Мире Дорог.

Рейнбоу прикрыла глаза, которые снова неприятно защипало.

Но она сдержалась. И даже нашла в себе силы робко улыбнуться.

Кто бы сказал, что Рейнбоу Дэш Вендар может так улыбаться, никто из знающих чемпионку арены не поверил бы...

* * *

Когда пегаска вышла из смотровой с Гайкой на спине и в сопровождении белой лисички, мышка вдруг подала голос:

– Спасибо, Рейнбоу Дэш.

– За что же? – не оглаживаясь, спросила радужная пони, продолжая свой путь к палате.

– Все за то же. Что снова не бросила меня.

Пегаска вздохнула и, подняв взгляд к потолку, произнесла тоном, который никак не вязался с ее видом:

– Дорогая принцесса Селестия. Сегодня я поняла, что сена-с-два я в этом мире еще когда-нибудь полечу, и что понятия не имею, на кой жмых обменяла крылья на жизнь мелкой мышинной зануды и ходячего белого коврика.

- А все же, почему? - спросила мышка. - Дальше ты могла уже лететь. Ты говорила, я ничего не значу. Тогда почему ты отказалась?

- Ты не бросила меня. Не осталась со своим прошлым... то есть, с чужим... в общем, с Брейном. Сражалась с волком, когда я уже, считай, продула эту схватку...

Пегаска замолчала. Маленькая ладошка осторожно погладила короткую шерстку на шее пони, но та не обратила внимания.

- Мне тоже пришлось сражаться со страхом, - призналась Гайка.

- Да я уж поняла, чай не настолько тупая... Знаешь, я вот сейчас задумалась над твоими словами. Это, наверное, потому, что за многие и многие года ты, да и этот комок белой шерсти, стали теми, кто впервые отнесся ко мне нормально. Без какого-то скрытого, разорвать мою задницу, интереса...

Можно было продолжать эту дискуссию, но Гайка решила сменить тему:

- Помнишь, ты говорила, что хотела бы встретить и избить того, кто ответственен за то, что ты - Рейнбоу Дэш? Ты его встретила. Что же ты не воплотила в жизнь свою угрозу, когда узнала, кто он такой?

Рейнбоу все же соизволила обернуться, и в глазах ее не было ни смущения, ни раздражения:

- Смеешься, что ли? - спросила пони. - Сам дьявол не придумал бы для него большего ада... Да он воспринял бы тумачи от меня как благословение.

- Так тебе его жалко? - спросила Гайка.

- Да нет!.. - слишком поспешно для правды выпалила Дэш, открывая копытом дверь палаты. - Просто я не... сторонница такого. По мне - так набить морду и отпустить с миром... Проклятье, я не знаю!

Гайка вздохнула.

Ей были знакомы эти чувства, когда вдруг пасуют выработанные жизненным опытом навыки, а годами чаемая цель вдруг буквально рассыпается прахом в руках. Или, хуже того, оказывается вовсе не тем, чем ожидалось.

- Может быть, стоило сказать, что ты его прощаешь? - спросила мышка, осторожно слезая со спины пони.

- Я подумаю, - буркнула Дэш, - но не обещаю.

- Почему?

- Потому что сама не уверена, могу ли его простить. С одной стороны, он меня создал. Пусть и не сам. А с другой - я не испытываю благодарности за ТАКУЮ жизнь.

Все трое зашли в свое временное жилище. Белая лисичка Олли с трудом, но запрыгнула на кровать. Гайка же взобралась по специально приставленной игрушечной лесенке. Для нее кровать была чем-то ужасающе огромным, и разве что подобранные по размеру лоскут и подушечка для булавок, позволяли миниатюрной мышке не пользоваться огромными для нее одеялом и подушкой.

Рейнбоу же залезла на свое место и уже привычно отвернулась к окну, чтобы подумать без созерцания попутчиков.

Не хотелось думать о человеке, который воплотил в мире людей маленьких пони из мультика и который потом горько раскаялся в этом. А не думать не получалось.

С одной стороны, Дэш жила на этом... и любом другом... свете лишь благодаря ему. А с другой, ее жизнь, как и жизнь множества других пони, никак не назовешь счастливой. И это тоже, выходит, по его вине.

Дэш внутренне разрывалась между благодарностью и желанием сорвать на ком-то свои старые обиды. И при этом понимала, что и тому и другому решению не хватает чего-то важного и неуловимого...

Ей никак не удавалось сообразить - чего, и это не давало покоя...

* * *

После обеда, на который в этот раз сходили все обитатели палаты, Рейнбоу Дэш нацелилась на книги, стоящие в остекленном шкафу. В конце концов, все время предаваться мрачным раздумьям было слишком тяжело и скучно, хотелось отвлечься хоть на что-то. Понятное дело, любимых книжек про Дэринг Ду тут не было, но может быть, завалился Жюль Верн или Стивенсон? Или, на худой конец, Толкиен или Гаррисон?

Интерес вызвал увесистый томик с аббревиатурой «FoE» и стилизованным изображением

головы эквестрийской единорожки. Черная потертая обложка навевала неясную жуть, которая в то же время неудержимо привлекала...

Но когда Рейнбоу уже протянула к нему копыто, ее взгляд случайно выцепил в общей массе другую книгу – «Хроники Нарнии», очень любимую в детстве. Слегка улыбнувшись, Дэш решила, что пора освежить воспоминания, и вскоре уже валялась на кровати, погружившись в чтение.

Сколько прошло времени, она не взялась бы сказать. Но внимание привлекла какая-то возня в коридоре. Немного более суетливая, чем обычно. Пегаска не обратила бы внимания, если бы не характерный перестук понячьих копыт, приглушенных больничным ковром.

Лазурные уши наострились, и слуха достиг приглушенный дверью разговор:

– ...сама. Поэтому будь джентльпони и не беспокой ее, – говорил доктор Салазар.

– Мне все равно! – громко ответил голос, заставивший Рейнбоу Дэш испуганно вздрогнуть и прижать уши. – Я хочу ее видеть! Сейчас!

– А не ты ли говорил, что с прошлым покончено навек, когда пришел сюда, Соарин? – вкрадчиво поинтересовался доктор.

Пегаска почувствовала, что дрожит. Вероятно, Соарин Пишчек узнал о присутствии в этом мире бывшей Вендар от своей Рейнбоу, которая Кемпбелл («Вот же трепло радужное!»), и, забыв обо всем на свете, ринулся на свидание.

Мысли смешались, а бессильные крылья невольно расправились от бури эмоций.

Тот, кого Дэш в той, прошлой жизни, успела если и не полюбить, то влюбиться точно, сейчас стоял в больничном коридоре, отделенный лишь тонкой дверью, которая даже не запиралась изнутри.

И в последнюю очередь пегаске хотелось слышать, почему он тут, в странном потустороннем мире.

– Я иду к ней, доктор! – тем временем решительно проговорил Соарин за дверью. – Уйдите с дороги, это не Ваше дело!

– Я тебя предупредил, – послышался ответ, и цокот копыт жеребца стал приближаться.

Едва соображая, что делает, Рейнбоу Дэш сорвалась с койки и под изумленными взглядами Гайки и Олли... спряталась в шкафу, где сейчас лежали их вещи.

Мышка и лиса не успели ничего ни предпринять, ни даже спросить, как дверь в палату открылась, и послышался голос, не оставляющий сомнений в его принадлежности:

- Где Рейнбоу?!

- Понятия не имею, - ответил спокойный голос Гайки. - А ты, собственно, кто?

А еще Дэш услышала приглушенное рычание, которое издала белая лиса.

- Я... я Соарин Пишчек, - проговорил пони. - И я ищу Рейнбоу Дэш Вендар. Где она?

«В Нарнии, блин! - мелькнула у пегаски мысль, навеянная книгой. - И чего ты приперся!»

- Здесь вроде бы не тюрьма, и она свободна быть, где ей вздумается. Да хоть бы и за километр от города.

Судя по глухому хлопку, крылья Соарина распахнулись от переполнивших его чувств. Перестук копыт засвидетельствовал, что тот снова огляделся.

- Не играй со мной, мышь, я знаю, она где-то здесь! - в голосе пегаса послышался гнев.

- Слушай, - снова заговорила Гайка, - Дэш не святая. Никто из нас не свят, кто попал в этот... мир. Но не пора ли забыть прошлые обиды? Зачем мстить?

На мгновение повисла пауза. Очевидно, пегас собирался с мыслями.

Наконец, снова раздался его голос:

- Ты думаешь, я пришел сюда мстить? Да я любил ее! - Дэш в шкафу вздрогнула, а Соарин продолжил совсем тихо. - И до сих пор люблю...

В голосе Гайки послышался металл:

- И ты не смог придумать ничего лучше, как ворваться в палату и начать кричать, причем с таким видом, будто собираешься ее сожрать!

- Извините... - тихо сказал пегас.

- Мальчишки всегда мальчишки, несмотря на размер и вид. Только вы... эй!

Послышался стук копыт и шуршание ткани. Очевидно, пегас заглянул под кровать.

- Ты что творишь?! - возмутилась Гайка. - Отойди оттуда!

Голос Соарина раздался совсем рядом со шкафом, где спряталась Дэш:

- Она ведь тут, да? Я чувствую...

Дэш обнаружила, что натурально дрожит. От страха, неопределенности, от образов из прошлого... Хотелось чего-то надежного, привычного. Того, что не будет терзать и без того намозоленную душу все новыми и новыми следами из прошлого.

Копыто, которым Рейнбоу упиралась в пол шкафа, вдруг почувствовало прикосновение холодного металла. Подцепив находку, Дэш поняла, что это небольшой нож. То ли медицинский скальпель, то ли еще что, но наличие хоть какого-то оружия немного уняло бушующую в душе панику.

Не то чтобы Рейнбоу Дэш была готова использовать клинок по назначению, но чувство гнетущей незащитности перед обстоятельствами немного отступило.

Пегаска вновь вслушалась в разговор снаружи:

- ...не рычать на меня? - спросил Соарин.

- Скажи ей сам, - ответила Гайка. - Олли разумна и все понимает.

- Что я тебе сделал? - вновь послышался голос пегаса, которому ответило хрипловатое тьявканье лисицы.

- По-моему, она хочет, чтобы ты ушел, - сказала Гайка, - уж не знаю почему.

- Но вы мне даже не сказали, где найти Дэш! - с чувством воскликнул пегас, но его снова прервало гневное тьявканье Олли, перемежающееся с рычанием. - Ладно, ладно, ухожу!.. Но я еще приду, так и знайте!..

Дверь палаты закрылась, и перестук копыт вскоре стих, но Рейнбоу не спешила выходить, пытаясь справиться с нервной дрожью...

...Гайка Коннорс, немного подождав, спрыгнула с кровати и подошла к шкафу, в котором спряталась радужная пони.

- Дэш, он ушел, - позвала она. - Ты можешь выходить.

Ответа не последовало, и Гайку кольнуло беспокойство. В голову даже полезли мысли о раскрывшемся шве и потерявшей сознание Рейнбоу.

Не без труда открыв створку шкафа, мышка встретила взглядом с мокрыми рубиновыми глазами, поднявшимися навстречу.

- Закрой дверь! - резко сказала пони. - Что уставилась?!

- Рейнбоу, - сказала Гайка примирительно, - ну чего ты?

Пони не ответила и отвела взгляд. Она сидела на вещах и свертках одежды почти в человеческой позе, и подошедшая Олли вдруг положила ей мордочку на колени.

Она и пони встретились глазами, и Рейнбоу прочла в них сочувствие и понимание, которые в жизни всегда предпочитала не замечать. По крайней мере, после того, как перестала их искать в других.

Рейнбоу хлопнула носом и неожиданно для самой себя осторожно погладила лисицу копытом. Как ни странно, это даже в чем-то помогло.

Гайка деликатно отвела взгляд. И даже оставила пегаску в покое на какое-то время, вернувшись к койке.

Вскоре раздался перестук копыт: немного пришедшая в себя Рейнбоу подошла и перебралась обратно в постель.

- Я готова признать, что пора сваливать, - сказала пони, зло хлопнув носом. - Причем чем скорее, тем лучше. Предлагаю прямо сегодня вечером. Я лично чувствую себя достаточно хорошо, чтобы если и не скакать галопом, то, по крайней мере, идти.

Буквально минуту назад Гайка хотела поговорить с Рейнбоу Дэш о том, что ей надо объясниться с Соарином. Даже придумала аргументы на случай, если пегаска начнет возражать.

Но буквально за пару секунд до того, как Рейнбоу вылезла из своего укрытия, ей на глаза снова попался натуральный призрак из прошлого, сидящий на лавочке и смотрящий прямо в окно палаты.

Будто бы зная, что она, Гайка Коннорс, здесь.

Поэтому отважная мышка, столько лет бывшая глазами и ушами мистера М в Европейском Гигаполисе, сказала, тщательно давя дрожь в голосе:

- Да, ты права. Надо идти...

* * *

...Лисица и пони с антропоморфной мышкой на спине рысили по дороге под лучами обоих солнц. Асфальт и здесь не пощадило время, и то тут, то там, виднелись проплешины, в которых можно было разглядеть плотно пригнанные камни желтоватого цвета.

Гостеприимный городок постепенно отдалялся. Но позади вдруг раздались торопливые человеческие шаги, к которым вскоре присоединились звуки тяжелого дыхания.

Попутчицы, не сговариваясь, обернулись лишь для того, чтобы увидеть спешащего доктора Герарда Хаузера.

Тот, даже не переодев белого халата, целенаправленно пытался догнать сбежавших пациентов, и Рейнбоу про себя решила, что как только старик дойдет до них, то будет витиевато послан в ответ на любое предложение вернуться в больницу.

Конечно, раны от недавнего столкновения с чудовищным волком были еще свежи, но уже почти не беспокоили, если не делать резких движений. То ли виной тому было свойство этого мира воплощать желания, то ли местная медицина была примитивной только с виду, Рейнбоу было плевать.

- Подождите... - прохрипел создатель пони-синтетов, останавливаясь рядом и тяжело опираясь на колени. - Вы кое-что... забыли...

Пегаска, уже собравшаяся было дать пожилому доктору пусть и сдержанную, но решительную отповедь, проглотила рвущиеся с языка слова.

- Что? - на всякий случай уточнила она, и на мордочках и лицах остальных читался тот же самый вопрос.

Доктор Хаузер залез в карман и протянул Дэш сложенный лист бумаги. Та машинально его взяла, но потом подняла взгляд на того, кто еще при жизни получил прозвище «новый Менгеле»:

- Что это?

Герард Хаузер не стал юлить и отпираться:

- Сегодня пришел один жеребец и очень хотел тебя видеть. Подумал, ты сама, если захочешь, зайдешь к нему, но как оказалось, вы уже ушли. Но он настоял, чтобы я передал письмо, если ты так и не соберешься к нему. Сказал, там все, что он не успел...

- Я поняла, - холодно сказала пегаска и убрала листок в карман, - потом прочитаю.

- Уверена? - спросил доктор, и пони только кивнула:

- Не хочу принимать решения на эмоциях. Сначала отойду подальше.

- Ничего не хочешь мне объяснить? - осведомилась мышка.

- Нет, - отрезала Рейнбоу, не смотря в ее сторону. - Идем.

Гайка еще пару раз оглянулась на человека, который провожал взглядом Идущих. Дорога послушно ложилась под их ноги, и эти трое сейчас шли по своему общему Пути...

...Мышка бросила взгляд на город, отдаляющийся с каждым шагом. Вскоре тот начал подергиваться туманной дымкой, которая казалась чрезмерно густой для такой сухой и теплой погоды. Но мышка мысленно велела себе не удивляться странностям погоды.

Попутчицы переговаривались, коротая время. Гайка пересказывала содержание прочитанной в больнице книжки, где рассказывалось о человеческом мальчике, которого звали Том Сойер. И хотя мышка явно не одобряла творящееся в книге, Рейнбоу не могла не признать, что этот Том ей определенно нравился. Пожалуй, если бы не железная дисциплина, она и сама бы ввела себя похоже.

«Попади ты к Алексу, живого места бы на заднице не осталось», - мелькнула мысль наравне с той, что прежний хозяин попросту украл детство радужной пегаски, а наивная поняшка даже не заметила этого.

Взобравшись на один из холмов, пони вдруг притормозила и присвистнула:

- А вот это что-то новенькое.

Мышка, увлекшаяся пересказом, осмотрелась, и увидела, как дорогу пересекает еще одна, точно такая же. Тот же старый асфальт, тот же камень под ним. Пыльные обочины и трава,

пробивающаяся сквозь щели.

А еще – знакомый уже фиолетовый дракон, бодро шлепающий лапами по протертому асфальту чуть в сторону от дороги Рейнбоу и Гайки.

Провожая взглядом дракончика, Дэш думала, куда сейчас устремлен этот вдохновенный взгляд.

- Любовь, – сказала вдруг Гайка.

- Что? – обернулась к ней Рейнбоу.

- Я говорю, его ведет любовь, – пояснила мышка. – Она ждет его, и он пройдет пешком весь этот мир, и не отступится.

Пегаска, прижав уши, испытала прилив смешанных чувств.

Во-первых, ей вдруг стало необъяснимо стыдно за свое жгучее желание во что бы то ни стало вернуть себе способность летать. А какой-то чешуйчатый в то же время готов ради своей мечты прошлепать целый мир на своих четырех.

А во-вторых, ее снова посетили воспоминания, которые ничего хорошего, в сущности, не могли содержать по определению.

- Любовь... – протянула Дэш, морщась от наступающих уже почти привычно образов, – как же банально, а...

...Когда Рейнбоу Дэш Вендар и Соарин Пишчек вышли из душа, в раздевалке гладиаторов уже никого не было. Часы показывали два ночи, и все пони разошлись по комнатам или уехали домой. О чем они будут судачить на следующий день, пегасов сейчас не волновало.

По идее, сегодня должно было быть выступление группы, и Дэш отпросилась у Алекса, но вечером стало не до того.

Смерть близкой подруги чуть не подкосила молодую Рейнбоу Дэш, и Соарин считал своим долгом не допустить, чтобы заводная и жизнерадостная кобылка вдруг замкнулась в себе.

Сидя под струями воды вместе с ней, пегас наслушался многого

Про строгого хозяина, имевшего в клубе репутацию жестокого садиста. Хорошо еще, что его любовницей была Рейнбоу Дэш Хоул, получавшая настоящее удовольствие от боли из-за сбитого в юности стоп-скрипта.

Про зачатки настоящей дружбы, что пыталась взрастить в себе небольшая группка гладиаторов.

Эта Рейнбоу Дэш была совсем юной, но кто-то (и скорее всего Вендар) заставил ее драться насмерть с первой настоящей подругой.

- Поужинаем? - спросил Соарин. - Бары и кафе еще работают...

- Угу, - буркнула в ответ пегаска, одеваясь.

Соарин еще в душевой заметил, что круп и часть спины пегаски исполосованы шрамами от хлыста или кнута. Раньше такого не было, но зато становилось ясно, почему с некоторых пор подопечная Вендара предпочитала мыться после всех.

Соарин уже хотел было спросить, но прикусил язык: кобылка была не в том состоянии. Да и причины были очевидны: Алекс Вендар.

Пегас всей душой надеялся, что изверг не заменит собственной подопечной уже порядком постаревшую Дэш Хоул, недавно разменявшую пятый десяток биологических лет и после каждой встречи с Вендаром отлеживающуюся по неделе. То, что бывалая пегаска тащится от боли и унижений, а также крупные пачки банкнот, что передавал ей каждый раз Алекс, не меняло ровным счетом ничего.

В кафе Рейнбоу Дэш Вендар немного пришла в себя после большой кружки безалкогольной шипучки (от предложенного сидра пегаска отказалась в такой панике, что жеребец не решился настаивать), мисочки фруктового салата и пары маффинов.

Даже улыбнулась на некоторые шутки Соарина, который, стараясь расшевелить пережившую трагедию подругу, болтал без умолку.

- А хочешь попробовать, что люди едят вместо сена? - спросил он.

Лазурные ушки встали торчком:

- Давай!

Соарин махнул копытом:

- Сэм, дай нам тарелку спагетти, с острым соусом!

- Без проблем, - отозвался бармен и не глядя ткнул в автоповара пухлым пальцем.

Через минуту перед двумя пони уже стояла огромная, исходящая паром тарелка...

- Класс, - сказала Дэш, потянув носом. - Никогда не пробовала. Наверное, вредная пища, да?

- Не очень. По сути, просто мучное.

Когда обжигающая, острая масса итальянского блюда уже порядком уменьшилась, Соарин вдруг сказал:

- Смотри, как можно.

Он взял губами кончик спагетти и медленно втянул его с неприличным хлопанием, чем вызвал хихиканье Дэш и снисходительный взгляд Сэма.

По мнению последнего, все пони вели себя просто как дети. И на жизненные трагедии реагировали так же. Насмотревшись на сломанные судьбы и пустые глаза, бармен очень радовался, что хотя бы некоторые разноцветные лошадки не утрачивали своей чистоты и доброго взгляда на мир.

Сэм улыбнулся, когда Рейнбоу Дэш повторила жест Соарина, после чего оба пони весело захихикали.

Пегас, глядя на смеющуюся Вендар, почувствовал, как от сердца отлегло. Боль потери вернется к ней, но уже немного притупленной, и, в конце концов, отважное сердечко смирится, получив жестокий жизненный урок.

Но, по крайней мере, сейчас она сможет ненадолго забыть о боли, и как знать, может быть удастся сделать еще один робкий шаг вперед?

Соарин вдруг заметил, что макаронину, которую он начал втягивать в рот, с другой стороны точно также всасывает Дэш.

Вскоре носы пони оказались вплотную друг к другу. Соарин моргнул и решился. Он подался вперед, чтобы поцеловать Рейнбоу Дэш, но та вдруг, покраснев, опустила уши и отвела мордочку в сторону.

- Прости, - почти прошептала она. - Мне нельзя...

- Алекс тебе запрещает? - спросил Соарин, стараясь, чтобы голос прозвучал непринужденно.

- Он просто... еще не разрешил... В смысле, я не спрашивала. То есть он сперва хочет сам поглядеть... Понимаешь?

Рубиновые глаза поднялись на пегаса, и у того сердце сжалось от того, какой страх внушил Алекс Вендар бесшабашной девчонке с радужной гривой.

Сразу вспомнились рубцы, покрывающие лазурную шкурку под одеждой.

- Все хорошо, - сказал Соарин, - я понимаю.

Лазурные ушки снова наострились:

- Ты не обиделся?

- Ничуть, - уверил пегас. - Если хочешь, я сам с Алексом поговорю.

- Было бы круто, - к его облегчению, Рейнбоу усмехнулась знакомой озорной улыбкой. - Только давай после турнира, ладно? Мне надо будет усиленно тренироваться.

- Какого турнира? - удивился Соарин. - Юниоры не дерутся еще недели три!

- В том-то и дело, - кивнула Рейнбоу и с гордостью в голосе закончила. - Алекс выдвигает меня в чемпионскую лигу.

Пегас на мгновение потерял дар речи. Рейнбоу Дэш Вендар была отлично тренирована, прекрасно развита, но, по сути, еще оставалась подростком. Не исчезла пока некоторая костлявость, хоть и скрытая узлами тугих мышц, мордочка выглядела еще немного инфантильной по сравнению с более зрелыми пони...

«Сколько ей биолет? - подумал Соарин. - Семнадцать? Восемнадцать?.. В чемпионскую лигу обычно раньше двадцати пяти не суются...»

- Ничего не говори только, ладно? - улыбнулась Рейнбоу. - Алекс знает, что делает. И если считает, что я готова, значит так и есть. Кроме того, когда я на высоте, с ним куда легче договориться.

Соарин поджал губы и кивнул.

Ему очень хотелось рассказать, какие бойцы в лиге чемпионов. Но прекрасно понимал, что

словами до Дэш сейчас не дозваться. Да и помогли бы они? Даже если удастся убедить ее, кто убедит Алекса Вендара?

- Проводишь меня до дома? - вдруг спросила пегасочка. - Я припозднилась, и Алекс хотя и не сердится, но не одобряет, когда я возвращаюсь одна. Наверное, волнуется за меня. Заодно покажу тебя ему. Пока на расстоянии. Что скажешь?

- Идет, - улыбнулся Соарин. - Доедай спагетти и полетели...

Улыбка, которой одарила его Рейнбоу Дэш, наполнила сердце пегаса теплой волной. Он мысленно пообещал сам себе, что после турнира сам попросит разрешения у Алекса Вендара пригласить на свидание его воспитанницу.

И если тот разрешит, сделать все, чтобы эта восторженная девочка стала счастливой...

...Рейнбоу Дэш помотала головой, отгоняя докучливые видения.

- Ну мы что, до ночи тут будем стоять? Пора идти, - сварливо проговорила она, прынув ушами.

Чертовы видения накатили неожиданно, вновь вытащив на свет старательно загоняемые в самые глубины воспоминания о чувствах и возможном счастье.

- Можно подумать, у кого-то возражения, - невинно улыбнулась Гайка, которая хотя и не видела пережитого пегаской, но явно догадалась о видении.

Двинувшись дальше, попутчицы периодически бросали взгляд на постепенно отдаляющегося дракончика, пока тот не пропал в холмах. И когда в том направлении снова можно было бросить взгляд, никакой второй дороги, разумеется, уже не было видно.

- Так глупо получилось, - вдруг сказала Рейнбоу Дэш.

Гайка подождала продолжения какое-то время, но пони задумалась, и пришлось немного подбодрить:

- Ты о чем?

Уши пегаски дернулись, и та произнесла, все еще витая где-то в своих мыслях:

- Да я про Соарина. Я ведь так хотела найти его после... всего. Попросить прощения тоже. А

тут вдруг... испугалась.

Она оглянулась. Огромные глаза оставались сухими, но где-то там, в глубине, будто бы шевелилась застарелая боль.

- Чего испугалась? - спросила мышка. - Что он оттолкнет? Ты разве не слышала, что он говорил?

- Слышала, - Рейнбоу отвернулась обратно и продолжила. - Он уже нашел свою Рейнбоу Дэш. Которая, лягать, совсем не похожа на меня. И любит он тот образ, который у него сложился, а от него давно уже ничего не осталось.

Гайка покачала головой:

- И все же я считаю, что он бы принял тебя.

- Ну да, - фыркнула Дэш, - а ту, вторую, тогда куда девать? Табун затеять? Да ну в сено такие расклады... Третий лишний.

- Чего уж теперь, - вздохнула Гайка, - ну хоть письмо потом прочитаешь.

Пегаска под ней вздрогнула.

Ей не хотелось признаваться, но даже этот небольшой клочок бумаги заставлял вспоминать ту боль, которую радужная пони при жизни успела причинить тем, кому она была действительно дорога.

Поэтому она просто перестала говорить, и тишину стал нарушать только размеренный цокот подкованных копыт...

Вскоре дорога «нырнула» в небольшой каньон. Река ушла отсюда давным-давно, и теперь ее место заняла дорога, хотя в низине по обочинам и появились две пересохшие и заросшие быльем канавы.

- Ну, хоть не жарко будет под двумя солнцами, - улыбнулась Дэш и покосилась на лису. - Что думаешь насчет пробежаться? А то мне лично хочется размять ноги.

Она подвигала крыльями, разминая их от долгого бездействия. Мысль о том, чтобы немного разогнать кровь после отдыха, выглядела весьма соблазнительной.

Лисица, разумеется, не ответила, смотря в глаза пегаске.

- Будем считать, что это «да», - сказала Дэш.

- А меня никто не спрашивает? - осведомилась Гайка со спины пегаски.

- Всем слабонервным предлагается покинуть цирк, - бросила Дэш и загарцевала. - Ну, настартвниманиемарш!

Выпалив последние слова скороговоркой, она рванула по дороге. Цокот копыт громко разнесся в каньоне, и на его фоне мягкая поступь белой лисицы была совсем неслышна.

При этом Рейнбоу помнила, что все участники похода еще не вполне оправились от ран, и щадила не только белую лису, но и себя: галоп отдавался в покусанную волком ногу неприятными толчками, и переходить на карьер пегаска не решилась. Да и лиса все равно быстро отстала: не с ее короткими лапками тягаться с легконогой пегаской!

Гайка же, вцепившись в ворот кожаной куртки изо всех сил, надеялась, что и самой Рейнбоу не хватит надолго: каждый скачок голубой пони отдавался болью в боку. Хорошо еще, не приходилось бежать самой, но все равно, попутчица иногда проявляла потрясающую безответственность.

Вскоре дорога сделала поворот и прижалась к одной из стен каньона, быстро взбежав на небольшой мостик. Сверху в небольшое озерцо падал высокий, но довольно вялый водопадик, тихо стекающий по скользким скалам. Из озера же брала начало речка, которая почти сразу заворачивала и продолжала неспешное течение параллельно с дорожной насыпью.

Зеленеющие вокруг воды заросли высокой травы и кустиков украшала одиноко растущая небольшая осина, раскинувшая ветви над озерцом.

И все бы хорошо, если бы пасторальный пейзаж не омрачало небольшое тело, вяло дергающееся в петле на самой толстой ветке...

Рейнбоу Дэш с невнятным ругательством затормозила, поехав по асфальту копытами. Подковки издали жалобный скрежет, полетели искры.

- Дэш! - крикнула Гайка.

- Вижу! - отозвалась та, переходя на быстрый шаг и приближаясь к телу.

Теперь, при ближайшем рассмотрении, можно было понять, что повешенный чем-то напоминает пони: те же пропорции головы и тела, пусть и худого до невозможности, такие же большие глаза. Но на этом сходство и кончалось: черный хитин заменял шерсть, изо лба торчал кривой и острый рог, а за спиной были сложены прозрачные крылья, которые подошли бы скорее насекомому. Привязанные к телу грубой веревкой. Вместо гривы по голове и шее

шел тонкий фиолетовый гребень.

Никакой одежды на существе не было, но оно в ней не особенно нуждалось: все тело покрывали плотные пластины, а признаков пола не наблюдалось.

Рейнбоу, притормозив на мгновение, достала с пояса тот самый нож, который подобрала где-то в руинах того города-призрака, где началось их путешествие. Миг – и веревка была перерублена в лихом прыжке, и черное тело с неприятным сухим звуком шлепнулось на землю.

Правда, оценить ювелирно-точный удар эдаким огрызком было явно некому.

Гайка подбежала к странному существу, невзирая на оклик Дэш, и прильнула круглым ухом к груди несостоявшегося висельника.

- Надо сделать искусственное дыхание, – сказала мышка, оглянувшись на переминающуюся рядом пони.

- Тебе надо, ты и делай, – огрызнулась пегаска.

- Дэш! Его надо привести в чувство!

- Так бы и сказала, – ответил Рейнбоу.

Не успела Гайка заподозрить ничего двусмысленного, как пони, схватив бессознательное существо за рог, бесцеремонно сунула его голову в озеро и стала там полоскать.

Мышка, у которой на секунду пропал дар речи, крикнула в полнейшем отчаянии:

- РЕЙНБОУ ДЭШ!!!

Пегаска прекратила свое занятие и обернулась. Вытащить морду странного пони из воды она то ли забыла, то ли сделала так специально.

Сделав над собой усилие, Гайка постаралась сохранить спокойствие и сказала ровным голосом:

- Дэш, если ему не сделать искусственное дыхание, он умрет.

- Да я бы не стала целовать трижды писанного красавца, чтоб ему жизнь спасти, а ты мне предлагаешь лобызаться с этаким уродом?!

С этими словами Рейнбоу вытащила странное существо из воды и бросила на песок, всем своим видом выражая отвращение.

Гайка же подумала, что из них троих только Дэш обладает достаточными размерами, чтобы оказать экстренную помощь неведомому существу, которое кто-то решил безжалостно повесить.

Здесь, в мире, где «нет опасностей».

Почему-то подобная мысль вызвала чувство решительного протеста.

- Не лобызаться, а делать искусственное дыхание! - предприняла Гайка новую попытку. - И вообще, может, это девочка...

- Один жмых! И я не шаловливка!

- Но надо же что-то делать!

На мордочке Дэш появилась недобрая улыбка:

- Конечно, давай оставим идиота в покое!

- Дэш...

- Двадцать лет Дэш!

- Он умирает. Или она. Прямо сейчас.

Рейнбоу, у которой кончились и без того не сильно многочисленные аргументы, беспомощно огляделась по сторонам. Встретилась взглядом с белой лисой, что сидела, прижав уши, и умоляющим взглядом смотрела на пони.

- А, да чтоб вас!...

С этим словами она, загнав подальше искушение перерезать существу горло, наклонилась к черной морде и резко выдохнула в приоткрытые губы. Потом приподнялась и с отвращением на мордочке стала повторять то, чему когда-то обучилась на кратком курсе выживания.

Мимоходом подумалось, что во рту у него, помимо нормальных зубов, еще и острые и выступающие, как у фестрала, клыки.

После усилий пегаски черное тело осталось лежать неподвижно. Дэш, утеревшись передней ногой, посмотрела на заламывающую руки Гайку и сидящую неподалеку лису и торопливо выпалила:

- Все, оно откинулось. Пошли уже, а?..

Гайка произнесла с нажимом:

- Дэш.

- Он откинул копыта, видишь?! – раздраженно огрызнулась та и пнула ненавистную уже тушку в бок.

Мышка не успела ответить.

Черное существо вдруг закашлялось, скрючившись в болезненном приступе, а его ноги судорожно задергались.

Рейнбоу почувствовала невероятный соблазн пнуть неведомое существо еще разок. А лучше два. За то, что пришлось делать искусственное дыхание рот-в-рот – Дэш никогда не думала, что это настолько мерзко.

Этому существу явно не помешала бы зубная щетка.

Гайка тем временем обратилась к спасенному существу:

- Здравствуй. Ты меня понимаешь? Как ты себя...

Договорить она не успела. Издав злобное шипение, существо кинулось в атаку, и лишь молниеносное движение копыта Дэш позволило хрупкой мышке избежать серьезных увечий.

Пегаска, морщась от боли в раненой ноге, сшиблась с неизвестным существом.

Тренированное тело все сделало само: даже будучи в немного ослабленном состоянии, Рейнбоу Дэш Вендар оставалась профессионалом-гладиатором, чемпионкой Арены.

А странное пони-насекомое совсем не отличалось физической силой, хвала всем тутошним богам.

Дэш очень быстро удалось перехватить инициативу и мощным ударом с разворота влепить заднее копыто точнехонько существу в лоб. При этом единственно чудом не попав в короткий и

кривой рог.

Черный пони, охнув, отлетел назад и остался лежать, оглушенный.

- Чтобы я еще раз послушала гребаные мышинные советы! - зло процедила пегаска, начав баюкать укушенную волком ногу.

Белая повязка немного покраснела: похоже, шов все же разошелся.

- Я... - начала было Гайка, но пони резко повернулась и прикрикнула:

- Ну что встали обе-две? Несите веревку... - увидев нерешительность на ее лице, пони оскалилась и добавила. - Или мне его добить?

После этих слов мышка бросилась к седельным сумкам за тонкой, но прочной полимерной веревкой. Не чета гнилой пеньке, на которой чуть было не расстался с жизнью странный пони...

* * *

...Рейнбоу Дэш и Гайка разожгли костер, оставив лисицу Олли стеречь пленника.

После драки со странным насекомообразным захотелось отдохнуть и поесть. По крайней мере, до того, как начинать допрос.

Рейнбоу не хотела признавать, но пробежка и последовавшая драка порядком вымотали ее ослабленный ранением организм, а Гайка перенервничала. Да и перемотать повязку на ноге стоило.

Хорошо еще, шов разошелся несильно, и, забинтовав рану потуже, удалось остановить кровь.

Наконец, костер был разожжен, котелок поставлен на огонь, а концентрат супа-пюре высыпан в воду. Оставалось только ждать.

Рейнбоу подошла к пленнику и, соблюдая осторожность, вытащила из клыкастого рта скомканный и не слишком свежий платок, служащий кляпом. Не для того, чтобы не позволить пленнику кричать, а просто чтобы не кусался, случись что: Дэш вовсе не хотелось печального

опыта знакомства с маленькими аккуратными клыками.

На этот раз плененное существо не стало кусаться, а только уставилось на Рейнбоу фасеточными глазами.

- Ну и что вы будете теперь делать? - спросил он низковатым скрипучим голосом, и пегаска про себя решила, что это совершенно точно жеребец.

- Спрашивать, - буркнула Дэш Вендар, - например, зачем ты на нас набросился.

- А если не скажу? - осведомилось существо. - Если буду молчать? Засунешь мне в рот кляп и оставишь здесь?

Дэш беспомощно оглянулась на Гайку, но та тоже пожала плечами. Прибегнуть к пыткам им даже в голову не пришло: обе слишком хорошо знали на себе, каково это.

- Вот интересно, - сказала Дэш, - у доктора Салазара психиатрическое отделение есть? Чтобы там мягкие стены, смирительная рубашка и все такое?

- Вариант, - согласилась Гайка, - а то еще кинется на прохожих.

Пленник подергался в путах, но Дэш имела большой опыт в этой сфере, и не получилось даже ослабить веревку. Кроме того, наличие в ногах странного пони сквозных отверстий только облегчило задачу радужной пегаски.

- Ну хорошо, - сказал он, - я отвечу на ваши вопросы, а вы меня развяжете и пойдете своей дорогой. Идет?

Гайка и Дэш ответили одновременно:

- Не идет!

- Идет!

Они переглянулись, и пегаска быстро сказала, чтобы успеть первой:

- Пусть валит на все четыре стороны!

- Ну нет же! - возразила мышка. - А вдруг с ним опять что-нибудь случится?

- Сам дурак, раз он хочет сдохнуть... второй раз.

Их прервало тьяканье Олли.

Спорщицы сперва посмотрели на лисицу, потом на внимательно наблюдающего за ними странного пони, который внимательно слушал, как будто понимал речь лисицы.

- Это было очень мило, - сказал тот язвительным тоном, - но может, все же вы меня...

Рейнбоу Дэш не выдержала.

После визита Соарина Пишчека, встречи с создателем всех пони в Гигаполисах, бегства из больницы и после этой встречи, которая грозила перерасти в еще одну «нерводавилку», как про себя окрестила это Дэш... копившееся все это время раздражение прорвало плотину спокойствия.

...Подкованное лазурное копыто от души въехало незнакомцу по челюсти. Увенчанная кривым коротким рогом голова мотнулась, после чего пленник откатился на метр в сторону, где и затих.

- Р-рейнбоу?.. - только и выдавила Гайка.

- Достали, - бросила пегаска, - все. Человеки, соарины, мыши и черные придурки-висельники. Давай уже лагерь нормально разобьем, раз пошла такая пьянка... Крупом чую, мы тут надолго.

Гайка посмотрела на белую лисицу, молча лежащую на берегу, после чего со вздохом пошла к потрескивающему костерку. Горячий ужин - вот что, по мнению мышки, могло взбодрить радужную пегаску, в очередной раз доведенную до ручки...

...Вскоре аппетитный, пусть и синтетический, суп был съеден. Пленник так и не открыл глаз.

Все кругом залили красноватые тени ночи, когда на небе господствовал алый гигант. Зловещий свет не доставал до дна каньона, но все равно до сих пор передергивало от этой безмолвной жути...

Дэш заметила, что дожидаться «эту спящую красавицу» не намерена, и стала готовиться ко сну. Желающим сторожить «идиота» она предложила делать это самостоятельно.

Олли и Гайке не оставалось ничего другого кроме как тоже подготовиться ко сну.

Когда путешественницы уже улеглись, мышка отметила из своего маленького спального

мешка:

- Хорошо ты ему двинула, до сих пор в отключке.

- Он спит, - буркнула пони, кутаясь в одеяло, - к утру оклемается.

Гайка помолчала какое-то время, потом спросила:

- Дэш, а ты его оставишь вот так?

- Агась, - отозвалась Рейнбоу, - хотя я бы его для надежности еще и к дереву привязала.

- Но... - начала было мышка, но Дэш перебила голосом, в котором слышались нотки раздражения:

- Слушай, он по ходу пытался покончить с собой, затем набросился на нас. И ты всерьез думаешь, что я вот так просто развяжу веревки?

- Это бесчеловечно!.. - приподнявшаяся на локте Гайка осеклась, поняв свою оплошность, а Дэш самодовольно улыбнулась:

- Очень хорошо, что мы не люди, да? Те бы и вовсе решили бы всласть поглумиться.

Гайка, у которой не было на это никакого контраргумента, предприняла еще попытку:

- Но ведь нельзя же так?

- А как надо? - голос пони не вязался с ее расслабленной позой. - Я его развяжу, засну, а он попытается себя снова убить, так да? Наутро же маленькая мышка просыпается и видит болтающееся непонятно что на ветке лишь потому, что она посчитала, что держать кого-то связанным - плохая идея. Это для его собственной безопасности. К тому же я знаю что делаю. Алекс меня часто связывал... веришь? Только взгляни, настоящий бондаж, можно даже кувыркатся, и нигде не натрет... мать его.

- И ты решила пойти по его стопам? Связать незащитное существо, которое нуждается в помощи?

- Да пошла ты, - огрызнулась Дэш и отвернулась в темноту. - Вообще больше не буду тебя слушать. Висел бы и висел...

Гайка вздохнула и улеглась на место. Эту реакцию она уже видела неоднократно: пони

заперлась в своем душевном панцире, не желая слушать никаких внешних раздражителей. Конечно, судя по реакции спасенного, оставлять его как есть было бы опрометчиво. А с другой стороны, вот так связывать и бросать на земле тоже не годилось...

В то же время Гайка видела и другую Рейнбоу Дэш. Ту, что не бросила попутчиков на произвол судьбы и тащила на себе, несмотря на собственную рану. Ту, что облегченно плакала в объятиях человека, которому могла довериться. И ту, что нашла в себе силы простить того, по чьей вине началась ее жизнь в виде живой игрушки для жестокого человека... Пусть и сказала ему об обратном.

То, что уже несколько раз высывалось из-под ледяной брони отчуждения, совсем не походило на образ безжалостной убийцы, гладиатора, который все видели ее. Добродушное от природы создание, призванное дарить радость детям и взрослым.

«Тот, кто довел ее до такого состояния, просто больной», - подумала мышка, а вслух сказала совсем другое:

- Дэш, до больницы я никогда бы не подумала, что ты можешь так плакать.

- Как - «так»?

- Ну... искренне, чувственно. Так, что потом становится легче.

Дэш буркнула под нос, не поворачиваясь:

- Больше не увидишь, не надейся.

Сказала, но при этом уверенности в своих словах отнюдь не испытывала. Они какое-то время лежали молча, но Рейнбоу вдруг перевернулась на другой бок и посмотрела на Гайку, что лежала без сна, смотря в стремительно темнеющее над каньоном небо.

- А от чего ты бежишь? - спросила пегаска, заставив маленькую мышку вздрогнуть от неожиданности: та явно погрузилась куда-то в себя. Возможно, что и в видения, коими так богат был этот мир.

- Ты Олли спрашиваешь? - уточнила та, не смотря на собеседницу. - Но она же...

- Я спрашиваю тебя, - перебила Рейнбоу. - Видно же, как ясный день, тебя в городе что-то напугало.

- Дети, Дэш, - вздохнула мышка. - Помнишь, я же...

Пегаска покачала радужной головой, и Гайка неуместно отметила, что грива у подруги постепенно отрастает и уже не напоминает коротенькую щетку. И да, скоро поняше потребуется расческа. При условии, что она не захочет все оставить так как есть или снова остричь радужные пряди.

- Дети были и в Гигаполисе, - сказала Дэш, - тут что-то другое.

Гайка не ответила. За время своей жизни на улице, а особенно во время работы на мистера М, она научилась попросту филигранно лгать. Но здесь, сейчас, не хотелось этого делать.

Пауза затянулась, и Рейнбоу Дэш, усмехнувшись, сказала:

- Иди сюда уже...

- Куда? - повернула голову Гайка

В свете костра блеснули повлажневшие глаза.

В следующий момент мышка почувствовала, как ее подхватило сильное крыло Дэш, чтобы пристроить совсем рядом.

Мысль о том, что пегаска может ворочаться во сне и случайно травмировать миниатюрную попутчицу, даже не посетила Гайку.

Рейнбоу, по-понячьи лежа на животе, положила голову на передние ноги, и вдруг почувствовала, что с другого бока к ней тоже прижимаются. Олли, конечно.

«Пропади все пропадом», - подумала Рейнбоу, накрывая обеих спутниц крыльями.

Здесь и сейчас ей совсем не хотелось отталкивать тех, с кем приходилось делить дорогу, хлеб и импровизированный кров. Подумалось, что ближе, чем теперешние попутчицы, у нее не было в жизни почти никого. По крайней мере, на конец жизни, когда Рейнбоу Дэш Вендар осталась на перепутье одна, оттолкнув или похоронив всех, кто был ей хоть сколько-то дорог...

<http://tl.rulate.ru/book/82091/2554365>